

Летние Калигулы

Гастроли Санкт-Петербургского театра имени Ленсовета

Сцены из спектаклей "Король, дама, валет" (слева) и "Калигула"

Вопреки расхожему мнению о том, что гастрольная жизнь переживает сегодня не лучшие времена, она все-таки достаточно активна. Правда, в основном развивается в другом формате – не многодневные выезды практически со всем репертуаром, но краткие марш-броски с одним-двумя спектаклями.

В год своего 70-летия Санкт-Петербургский театр имени Ленсовета предложил еще один, весьма оригинальный гастрольный вариант, поддержанный столичными коллегами по статусу, а именно Театром имени Моссовета. Конечно, было бы заманчиво посетить Москву с большим творческо-юбилейным визитом. Но, увы, поднять такие гастроли сегодня мало кому под силу. В результате договорились о следующем: в течение всего будущего сезона ленсоветовцы будут регулярно приезжать в гости к москвоветовцам с парой-тройкой постановок. К финалу сезона у зрителей и критиков, свидетелей этого долгосрочного сотрудничества, должно сложиться четкое представление о творческом состоянии театра. К слову, в последний раз подобное общее впечатление возникло у столичной публики около двух десятилетий назад. Хотя в последние годы этот достаточно авторитетный театр регулярно принимал участие в фестивале "Золотая Маска", показывая в Москве свои лучшие спектакли.

Старт новым стайерским гастролям был дан в начале июля, а первыми визитерами оказались спектакли с историей, уже успевшие стать своеобразными визитными карточками коллектива, – "Король, дама, валет" В.Набокова и "Калигула" А.Камю. Интерес к спектаклям подо-

гревался еще и тем, что в них были заняты две в прошлом питерские, а ныне межстоличные звезды – Константин Хабенский и Михаил Пореченков, занятые (впрочем, весьма скромно) в нынешнем мхатовском репертуаре. Плюс к этому была возможность понаблюдать за степенью сохранности и уровнем исполнения спектаклей-долгожителей по нынешним временам (каждому из них около пяти лет). Любопытная столичная публика не подкачала – несмотря на разгар Чеховского фестиваля, оба спектакля прошли на аншлагах.

Кстати, об уровне. Никакого "развала и шатания" питерские действия в себя не впустили, равно как и затверженного автоматизма. Зато актерская уверенность ощущалась во всем, если учесть при этом, что обе постановки апеллировали не столько к психологическим переживаниям, сколько к зрелищности и стильности. Это вовсе не значит, что в них господствовало только виртуозное комедианство, просто отдельные психологические сцены (если таковые случались) с легкостью камуфлировались каким-нибудь "формальным" приемом.

Спектакль "Король, дама, валет" (пьеса А.Ветмана по одноименному роману В.Набокова) продемонстрировал москвичам один из вариантов творческого почерка художественного руководителя театра Владислава Лази, возглавившего коллектив в 1996 году. Набоковская проза современному театром любима, причем ей оказывается явное предпочтение перед ее же пьесами. И практически все виденные спектакли открываются, кажется, одним ключом: подчеркнутой стилизацией

времен и иногда географически-национальных примет. Визуальный облик "Короля" (сценография и костюмы Мариэ Бранчовой) не стал исключением: ретропрически, ретроплатя, железнодорожниковозкальный антураж, отсылающий к тому, что герои странствуют по городам и житейским ситуациям. Сами же эти ситуации обыгрываются явно иронически, подаются слегка отстраненно, как некий взгляд из близкого "сегодня" в не слишком "прекрасное далеко". Многогранные набокковский путешествия по эмоционально-психологическим волнам изымаются из контекста спектакля и подменяются изысканными пластическими ретрономерами (балетмейстер Николай Реутов), которые словно бы отбивают паузы между эпизодами-событиями, чтобы последние не игрались "встык". Впрочем, многие мотивы и подводки к ситуациям остаются за бортом, на сцене же присутствует только результат. От этого зрителю, знающему роман, и легче, и труднее одновременно. Хотя Набоков вообще труден для постановки, поскольку слишком "многословен" для театра, но в этом многословии и есть суть.

Актеры же легко вписались в предложенные им типажи и с удовольствием их представляли, нажимают на комедиано-игровые клавиши. Что, впрочем, в избранной эстетике не казалось излишним, а к финалу постепенно сходило на нет. Неуклюжий и подслеповатый увальень Франц (весьма неожиданная для москвичей трансформация "культуриста" и "бойца" М.Пореченкова), легкомысленно-валяющий Драйвер (Дмитрий Барков), изящно-раскрепощенная Марта (Елена Комиссаренко) – это

триумвират удерживал зрительское внимание под аккомпанемент декоративно-стилизированных "антуражных" персонажей. Последние же (Анна Ковальчук – Эрика и Юричная, Андрей Зибров и Эрнест Тимержанов – санитары, манекены, официанты) меляли маски и обличья, поддерживая стильность затененного представления.

Если первый спектакль представил актерское трио, то "Калигула" в постановке Юрия Бутусова подает крупным планом и в разных ракурсах прежде всего одного артиста – Константина Хабенского в заглавной роли. Хотя его окружение, представленное Ириной Ракишиной (Цезония), М.Пореченковым (Беликон), Олегом Андреевым (Сципион), Юрием Овсянко (Хорей) и А.Зибровым (Патриций), тоже бывало порой весьма выразительно, но центростремительная композиция Камю и Бутусова по определению делала героем одного.

Многоликий Калигула – Хабенский предстал блистательным комедиантом, актером по призванию, способным с равным успехом разыграть и тирана-императора, и философа, и друга-возлюбленного, да кого угодно. И при этом сохранить в вечной игре хотя бы намек на непростую человеческую сущность, внутренний разрыв, где главный страх – одиночество, несмотря на всю бравату. Для этого Калигулы весь Рим – театр, где он – премьер, а все прочие – массовка или зрители. Калигула меняет одежду, гримируется, исполняет "номера", обращается к публике в зале и даже объявляет антракт.

А в качестве сценических атрибутов может служить все, попадающее под руку: пыльные афиши, похожие на гробы, помосты, занавески и прочее. Но от роскоши императорского Рима здесь не осталось и следа: антураж отдает тленом и затхлостью (сценография Александра Шишкина), а вместо серебра и злата летят и кружатся блестящие клочки фольги. Персонажи порой походят на оживших мертвецов (чего стоит хотя бы Патриций) – Зибров с пельнельно-мертвенным гримом и потусторонним голосом), словно бы являющихся к Калигуле в кошмарных снах. Впрочем, последний любой кошмар способен обратить в фарс.

В общем, думается, московская публика, подуставшая от бесконечных изысков Чеховского фестиваля, смогла отчасти отдохнуть от них и переключиться на свое, родное, представленное в питерских спектаклях. Не ощущая при этом скуки и погружаясь в броскую, стильную, эмоционально-заразительную атмосферу представлений. Во всяком случае, уже начинаешь ждать продолжения гастролей, которые обещаны осенью, в начале будущего сезона.

Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Калигула – 2003 – 117 – 13 шмел. – 125